

CONNECTIONS

The Quarterly Journal

Том XIV, № 4

Осень 2015

Среднеазиатские позиции по украинскому кризису: балансирование
на тонкой грани?..... 1

Эмильбек Джурраев

Стратегические последствия войны на Украине для постсоветского
пространства: взгляд из Центральной Азии..... 13

Фарход Толипов

Как Россия, шаг за шагом, хочет восстановить свою имперскую роль
в глобальной и европейской системе безопасности..... 25

Зофия Студзинска

Ретроспективный взгляд на Косовскую кампанию НАТО 1999 года:
юридически спорное, но оправданное исключение?..... 49

Ральф Р. Стайнке

Косово 1999 и Крым 2014: сходства и различия 63

Пал Дунай

Конфликт в Косово, рассмотренный в концептуальных рамках
заинтересованных сторон 77

Анета Новаковска-Кристман и Марзена Жаковска

Программа НАТО «Си Спарроу»: сотрудничество, основанное
на доверии 91

Дабровка Смолни

Террористические угрозы против России и ответные контр-террори-
стические меры..... 103

Джошуа Синай

Доклад СП о борьбе с терроризмом 111

Среднеазиатские позиции по украинскому кризису: балансирование на тонкой грани?

Эмильбек Джураев *

Введение

Уже год кризис в Украине и вокруг нее устойчиво присутствует среди главных проблем, вызывающих озабоченность и обсуждение на международном уровне. Этот вопрос стал фокусом поляризованных дебатов, причем большинство участников фаворизируют одну из сторон, коллективный «Запад» или Россию. Как и в большинстве случаев тенденциозных споров, особенно таких непримиримых как этот, наблюдается склонность упрощать проблему, обобщая все детали в исключительные категории, будь то «Русский империализм», «Американский заговор», «Украинский фашизм» или «Новая Холодная война». Однако, дело гораздо сложнее.

В этом эссе представлен в целом объективный аналитический обзор позиций пяти центрально-азиатских государств по данному вопросу. То, что показывают позиции этих стран, это сложность проблемы и множество побочных эффектов и вызовов, с которыми по необходимости сталкиваются участвующие и окружающие стороны, причем далеко не очевидно, почему данная страна занимает ту или иную позицию, или – даже еще более красноречиво, – почему позиции неоднозначны. Из этого обзора можно сделать несколько более общих концептуальных выводов.

Первый, это уровень и характер влияния самостоятельности в определении внешней политики таких малых государств, как пять среднеазиатских государств. Как их отличия, так и их схожие черты, подчеркивают факт, что нетривиальный уровень самостоятельности все еще остается для малых государств и ими используется, даже когда кажется, что они находятся под влиянием великой силы.¹ Вторым моментом является факт наличия структурных ограничений мультивекторности. Все эти страны в разное время заявляли, что следуют многовекторной внешней политике, не обязательно подтверждая это реальными делами. Как указано в этой работе, устойчивые многовекторные отношения – особенно в геополитически чувствительном, высоко рисковом регионе, в котором находятся эти государ-

---

* Эмильбек Джураев имеет ученую степень доктора, полученную в Университете Мериленда, и преподает политологию в Американском университете Центральной Азии в Бишкеке, Кыргызстан. Данная работа впервые была представлена на публичном выступлении в рамках Программы по глобализации и международным делам колледжа Бард в Нью-Йорке 13 апреля 2015 года. Автор хотел бы поблагодарить хозяев и участников встречи за их отзывы.

¹ Аргумент, предложенный Alexander Cooley, *Great Games, Local Rules* (Oxford: Oxford University Press, 2012).

ства, – требуют необходимых условий для устойчивых отношений с множеством искренне заинтересованных партнеров.² Третье наблюдение касается места неопределенности международных отношений и внешней политики. Неопределенность, например в результате украинского кризиса, является обстоятельством, при котором страны – особенно такие небольшие государства, как государства Центральной Азии – оказываются в состоянии отважиться продемонстрировать большую степень самостоятельности, хотя при этом сталкиваются с более высоким уровнем риска ошибиться в расчетах и понести неблагоприятные последствия. Неуверенность в том, как будут развиваться дела – особенно в отношении того, как к этому отнесется Россия, – всегда была большим затруднением для центрально-азиатских столиц, и разные примеры проявления осмотрительности, дерзости, откровенности или замалчивания показывают, как эти государства справились с неопределенностью или как они использовали ее.

Здесь стоит сделать паузу и вкратце спросить себя, а почему кто-либо должен интересоваться внешнеполитической позицией центрально-азиатских государств по украинскому кризису. Кроме вероятности, что кто-то может интересоваться политикой в Центральной Азии в целом, в случае чего украинская ситуация может являться наглядным примером, есть еще три основательные причины. Первая причина, это существенно увеличившееся значение этих стран и этого региона в целом для России, которая является одной из главных сторон в кризисе. Вторая причина, это наличие определенных опасений, в какой-то мере оправданных, что некоторые из проблем Украины могут мигрировать (или повториться) в центрально-азиатских странах.³ Третьей причиной интересоваться центрально-азиатской точкой зрения является то, что эти страны оказались в центре широко-охватного и долгосрочного развития событий на международной сцене, и конкретно, на евразийском театре, и поэтому стоит попытаться понять позиции этих стран.⁴

Прежде чем продолжить, надо учесть еще одно соображение. Говоря об украинском кризисе, надо учитывать, что он состоит из нескольких элементов, каждый

² Эта мысль встречается в разных работах. Смори Tadjbakhsh, *Central Asia and Afghanistan: Insulation on the Silk Road between Eurasia and the Heart of Asia* (Oslo: PRIO, 2012) касательно анализа центрально-азиатских позиций по другой горячей точке – по Афганистану.

³ Для авторитарных режимов в Центральной Азии украинский пример протестной политики в стиле Майдана является раздражителем, но еще большую тревогу вызывает возможность разгорания сепаратистских настроений в некоторых районах северного Казахстана. Такое восприятие дел имеет значение, даже если при ближайшем рассмотрении это оказывается маловероятным (смотри Andrey Makarychev, “PONARS memo,” опубликование предстоит).

⁴ Если такое долгосрочное и далеко идущее развитие дел касается запутанных сценариев в Афганистане, другое – все более заметное в текущих дискуссиях, – это создание китайского экономического пояса Шелкового пути, инициированного Китаем и направленного на Запад через всю Центральную Азию к Европе. См. Scott Kennedy and David A. Parker, “Building China’s ‘One Belt, One Road’,” *Center for Strategic & International Studies*, 3 апреля 2015, <http://csis.org/publication/building-chinas-one-belt-one-road>.

из которых имеет связь, несколько отличную от темы данной работы. В хронологическом порядке первым компонентом кризиса является Евромайдан и политическая дестабилизация, к которой он привел. Вторым компонентом, это кризис в Крыму, который – на данный момент – закончился аннексией полуострова Россией. Третьим компонентом является де-факто война – не полностью прекращенная после соглашения Минск II от февраля 2015 – в восточных украинских регионах Донецк и Луганск, или в Донбасском регионе. Четвертый компонент – это кризис на международной сцене, нашедший наиболее конкретное выражение в санкциях и наложении разных видов эмбарго между Россией и Западом.⁵ Учет этих нескольких элементов кризиса имеет определенное значение для достоверного обзора поведения центрально-азиатских стран по данному вопросу.

Обзор поведения центрально-азиатских стран

Есть некоторые отличия между пятью постсоветскими среднеазиатскими странами в их подходе к кризису на Украине. Отличия, разумеется, в основном касаются степени проявления, а не сущности – все пять стран в целом считаются с Россией, – но тем не менее эти различия дают важную информацию для понимания поведения каждой из них. Далее следует краткий обзор их конкретных позиций и действий, а затем некоторые общие замечания.

Из этих пяти стран Казахстан определенно принимает наиболее активное участие. Комментируя на ранних этапах кризиса, Президент Назарбаев поддерживал мнение, что корни недовольства кроются в плохой социально-экономической ситуации в стране – и в меньшей степени в выборе «Европа или Россия» – как и то, что основным провалом украинского правительства является тот факт, что оно слишком занято политикой и пренебрегает экономическим развитием. Сохраняя в основном молчание по вопросу, кто несет ответственность за кризис в Донбассе, казахское правительство активно призывает к дипломатическому разрешению, а Назарбаев предлагает свои услуги в качестве посредника (конкурируя с Президентом Беларуси Александром Лукашенко) и предлагает принять на своей территории любые переговоры для разрешения этого кризиса. Казахстан признал крымский референдум – точнее, «факт референдума», – что с течением времени означало единственно, хотя и выраженное молчаливо, признание обоснованности и законности референдума. Однако, на Генеральной ассамблее ООН Астана воздержалась от голосования за резолюцию, которая определяла референдум как

---

⁵ Более подробный анализ украинского кризиса должен учитывать и другие аспекты, например, кризис публичного международного права, кризис концепции национального государства, кризис дипломатии, выхолащивание понятия суверенитета, кризис оппозиционной политики и свободы речи в России и кризис осторожности на международной сцене, и это еще не все.

незаконный и недействительный.⁶ И что не менее важно, Назарбаев, плечом к плечу с Лукашенко, нанес молниеносный визит в Киев для встречи с Президентом Порошенко и подтвердил свою приверженность к сотрудничеству между двумя странами. Этот визит был воспринят как мягкий, но тем не менее ясный намек на независимость Казахстана от Москвы.

Позиция Кыргызстана по кризису примечательна в одном аспекте: это единственная страна среди пяти упомянутых выше, которая поздравила Украину почти сразу после бегства экс-президента Виктора Януковича, по случаю второй революции и свержения коррумпированного режима. Более того, в официальном заявлении ее министерства иностранных дел, эта страна признала законность нового переходного правительства в Киеве и отказалась признавать де-факто смещенного Януковича (который продолжал настаивать на своей легитимности еще длительное время после своего свержения). Все эти три шага противоречили позиции Москвы в то время. Схожим образом, под влиянием неодобрения Москвы, Бишкек стал в основном молчать, сделав только заявление о признании результатов референдума в Крыму «объективной реальностью» после голосования 16 марта. Бишкек несколько активизировался в последнее время, и Президент Алмазбек Атамбаев сделал украинский кризис важным пунктом дискуссий на встречах с европейскими лидерами при его поездке в конце марта 2015 года, призывая к политическому разрешению кризиса (в Восточной Украине) и отмене санкций. Он еще раз подтвердил, что Кыргызстан на основании своего опыта от 2010 года симпатизирует украинскому Майдану, но так же прилежно отметил, что референдум в Крыму является фактом, который следует признать, поскольку он отражает выбор большинства населения. Кыргызстан, о котором ходили слухи, что он был одной из семи стран, которым Россия «угрожала» в случае неправильного голосования в ООН, при голосовании воздержался.⁷

Отличие за наименее активную позицию по вопросу Украины следовало бы вручить Таджикистану. Президент Эмомали Рахмон избежал активного выражения позиций, ограничившись формальными декларациями подписания многосторонних заявлений, например, заявления Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), поддерживающее Россию, которое было принято на саммите ШОС в Душанбе в сентябре 2014 года. Сильно зависящий от Москвы по многим линиям и находящийся в очень трудном геополитическом положении Таджикистан обычно не активен по международным вопросам, когда они не касаются этой страны напрямую, и случай с украинским кризисом не был исключением. Когда приходит

⁶ “General Assembly Adopts Resolution Calling upon States Not to Recognize Changes in Status of Crimea Region,” United Nations: Meetings Coverage and Press Releases, 27 March 2014, доступно на <http://www.un.org/press/en/2014/ga11493.doc.htm>.

⁷ Louis Charbonneau, “Exclusive: Russia Threatened Countries ahead of the U.N. Vote on Ukraine: Envoys,” *Reuters*, 29 March 2014, доступно на www.reuters.com/article/2014/03/29/us-ukraine-crisis-un-idUSBREA2R20O20140329. В докладе цитируется российский дипломат, который ответил на обвинения таким образом: «Мы никогда никому не угрожаем. Мы просто объясняем ситуацию».

время осматривать ряды, Душанбе все-таки следует причислить к друзьям Москвы – как и Кыргызстан. Они решили воздержаться от голосования в ООН по Крыму (но не голосовали «против») – шаг, который показывает, что ни одна из этих стран по разным причинам не чувствует себя комфортно, полностью вставая на сторону России.

Относительный комфорт Туркменистана, выражающийся в обычном его отсутствии в любой дискуссии по Украине, возможен благодаря принципу «позитивного нейтралитета», которого придерживается во внешней политике эта страна. Президент Гурбангулы Бердымухамедов не защищал Россию ни в одном из аспектов кризиса, но и не выражал прозападных взглядов. Туркменистан, однако, был открыт к сотрудничеству напрямую с Киевом. Недавно вице-премьер Туркменистана (он же и министр иностранных дел) посетил Киев, встретился с Порошенко и принял участие в обсуждении двусторонней торговли, в частности вопроса о потенциальных поставках туркменского природного газа в Украину. Туркменистан также воздержался от подписания совместного заявления СНГ, призывающего к отмене санкций против России на встрече министров в Бишкеке в начале апреля 2015 года, когда заявление должно было быть представлено как предложение Организации Договора о Коллективной Безопасности (ОДКБ) из-за оппозиции Украины на встрече стран СНГ. Как и казахская и узбекская делегации, делегация Туркменистана на ассамблее ООН воздержалась от голосования резолюции ООН по Крыму.

С его третьим неучастием в голосовании на Генеральной ассамблее ООН, Узбекистан, возможно, показывает себя наиболее независимым (от Москвы) в своей позиции по Украине, в сравнении с другими четырьмя государствами этого региона. Превратив независимость в краеугольный всеобъемлющий идеологический принцип страны, ось внешней политики Узбекистана в последней ее редакции несколько отклонилась в сторону, хотя и не полностью, от России. Наиболее важным проявлением этого был отказ страны от членства в ОДКБ из-за производимых с середины 2012 года (возвращения Владимира Путина на пост президента) попыток Москвы «гармонизировать» внешнюю политику стран-членов. Президент Ислам Каримов и узбекское министерство иностранных дел на разных форумах несколько раз повторяли, что Узбекистан однозначно придерживается принципа территориальной целостности государств – явное неодобрение отделения Крыма и его аннексии России, хотя это неодобрение никогда не было заявлено публично. Тем не менее, Узбекистан никоим образом нельзя считать страной с антироссийской и прозападной позицией, и это государство оказало России моральную поддержку. Примечательно дружеским жестом к Путину во время саммита ШОС в Душанбе было заявление Каримова, который призвал к пониманию наличия вековых интересов России на Украине и братских связях между народами этих двух стран. Примечательно и то, что во время визита Путина в Ташкент в декабре 2014 года украинский кризис практически не упоминался.

Этот краткий обзор действий и позиций пяти стран в отношении Украины дает нам возможность сделать несколько обобщений.

Во-первых, есть небольшие, но тем не менее очевидные, различия в позициях этих стран по Украине. Все пять стран поддерживают в разной степени сторону России, но демонстрируют разные соображения по этой проблеме, которые могут быть полезными при прогнозировании развития событий на ближайшее будущее.

Во-вторых, для всех стран, кроме Кыргызстана, первый элемент кризиса – Евромайдан – был нежелательным событием, насчет которого они или высказывались критически, рассматривая его как свидетельство социально-экономических провалов украинских властей (в противовес политико/демократическим причинам), или были склонны тихо обходить его стороной.

В-третьих, все эти страны практически – хотя и неофициально – признали «воссоединение» Крыма с Россией законным действием. Хотя ни одна из этих стран не выразила публично однозначное признание его легитимности, они на практике сделали это, постепенно перестав поднимать этот вопрос в своих отношениях Москвой. Несмотря на ссылки на неприкосновенность территориальной целостности, даже Узбекистан начал обходить этот вопрос и перестал рассматривать его как проблему во взаимодействиях с Россией.

Четвертое, основным фокусом в отношении кризиса на Украине был кризис в восточных украинских регионах. Призыв Узбекистана к уважению территориальной целостности можно толковать как призыв к применению этого принципа к данному компоненту кризиса. Ни одна из этих стран не рискнула возложить ответственность за конфликт на одну из сторон, и каждая из них – когда обстоятельства того требовали – говорила о необходимости уладить конфликт мирным путем, воздерживаясь от насилия и опираясь на дипломатию. Казахстан был наиболее активным в этом, а Назарбаев предложил себя в качестве посредника и Астану в качестве места для проведения переговоров.

Пятое, хотя международный отзвук украинского кризиса, конечно, коснулся и стран Средней Азии, четвертый элемент кризиса не стал главным или постоянным вопросом в их видимой позиции во внешней политике. Санкции против России и российское эмбарго на западные товары оказали влияние на регион весьма непосредственным образом, и среднеазиатские страны призвали к отмене этих санкций. Однако, возможно, что именно этот аспект кризиса – его международное отражение, обмен санкциями и разделение мира в целом на два лагеря – лежит в основе заметного маневрирования этих пяти стран по данному вопросу.

Шестое, позиции этих стран по украинскому вопросу можно, конечно, рассматривать как пять отдельных случаев маневрирования или хеджирования по этой чувствительной проблеме в их близких отношениях с Россией. Конечно, можно воздержаться от предыдущего анализа – и как часто это делают, – просто сказать, что Центральная Азия на практике является зависимым регионом, присоединяющимся к позиции сильной России на международной сцене. Как оказывается, однако, это было бы поспешным отказом от поучительного анализа, так как присоединение этих государств к позиции сильной России далеко не однозначно, и даже наиболее слабые из этих государств-клиентов – Кыргызстан и Таджикистан – сопротивлялись полному разделению российской позиции.

Детерминанты позиций центрально-азиатских стран по украинскому вопросу: каковы ставки?

Последний пункт из перечисленных выше ставит более широкий вопрос о том, что определяет поведение Средней Азии по этой проблеме. Почему недостаточно охарактеризовать центрально-азиатские страны как лояльных клиентов России? Краткие обзоры ситуации в каждой из этих стран и некоторые обобщения, касающиеся их всех, могли бы стать основой для попытки ответить на этот вопрос. Вопрос можно и нужно ставить более широко: какие соображения и обстоятельства определили конкретные линии политики и риторики этих центрально-азиатских стран? Далее эти линии представлены как система взаимовлияний перечисленных выше пунктов и некоторых общедоступных наблюдений касательно среднеазиатской политики. При отсутствии более углубленной и внутренней информации, эти предположения есть лучшее, что можно представить на данный момент.

Возможно, существуют, и вероятно, так оно и есть, множество факторов, которые формировали до сих пор и продолжают формировать позиции этих пяти стран по украинскому кризису. Некоторые из них, например психологические факторы, оказывающие влияние на мышление соответствующих лидеров, очень трудно свести воедино и тем не менее они имеют отношение к данной проблеме. Кроме этих неизвестных величин, похоже, налицо четыре основных фактора и хотя они взаимосвязаны разными способами, каждый из них является отдельным фактором, который заслуживает изучения.

Первым, и определенно наиболее сильным фактором, определяющим позицию региона по Украине, являются близкие отношения этих стран с Россией. У всех пяти странах сильные связи с Россией, хотя есть отличия в их интенсивности. Нужно учитывать, что эти отношения не одномерны, а являются комплексными, и в конечном итоге, основываются на прагматических, «деловых» соображениях каждой из сторон, а не на чувствах вечного братства или других безусловных пристрастиях. По вопросу об Украине, стоит упомянуть по крайней мере три аспекта значения этих взаимоотношений.

Один из подходов для учета того, как эти отношения вписываются в уравнение, можно назвать «выигрыши и проигрыши» от занятия позиции, совпадающей или противоречащей позиции России. Существует некий баланс между выигрышами, которые надеется получить каждая из стран, и рисками или угрозами, которых она хочет избежать, занимая определенную позицию по Украине на фоне сотрудничества с Россией, поскольку Россия, очевидно, может быстро и существенным образом оказать влияние на судьбу этих стран. Поэтому, чем более «иммунизирована» данная страна от такого влияния (или думает, что она иммунизирована), тем более свободно страна может выражать взгляды, которые расходятся с российскими – например, Узбекистан и Кыргызстан, – хотя в общем плане все пять стран можно категоризировать как поддерживающие Россию.

Второй аспект «российского фактора» является продолжением первого, если не его противоположностью: неловкость всех среднеазиатских стран быть воспринимаемыми, как связанными с Россией слишком тесно. Если первое соображение

на практике является «притягивающим» фактором для того, чтобы считаться с Россией, это второе соображение можно рассматривать как «отталкивающий» аспект российского фактора. Ни одна из этих стран, к примеру, не разделяет энтузиазм Кремля (или скорее Путина) в отношении какого бы то ни было нового Советского Союза. В этом плане украинский вопрос, со всей его сложностью и спорностью, дал им отдушину для озвучивания их разногласий с Россией по разным поводам, какими бы незначительными они ни были.

Третий аспект в котором «российский фактор» имеет значение, это возможность – хотя и отдаленная – повторения украинского кризиса на собственной почве в странах Центральной Азии. Выше были перечислены, по крайней мере, четыре компонента «украинского кризиса» и каждый из них мог бы, по крайней мере гипотетически, проявить себя независимо от трех остальных. Чтобы избежать своей собственной версии Майдана, Крыма, Донбасса и/или санкций, страны Центральной Азии должны калибровать свою близость/отдаленность от российской позиции по Украине. Слишком близкая позиция с позицией России может способствовать заражению этим вирусом, но слишком отличающаяся может привести к заражению тремя другими угрозами. Восприятие угрозы, касающееся этих четырех компонентов украинского кризиса, может быть разным для каждой из стран Центральной Азии, но в конечном итоге, все они чувствуют себя подверженными заражению тем или другим образом.

Вторым основным детерминантом позиций стран Центральной Азии по кризису является невысокий уровень собственно значения самой Украины для этих стран, в отличие от преобладающего влияния России. Ни одна из пяти стран региона не имеет до настоящего времени каких-либо значительных экономических, политических или других отношений с Украиной. При формировании позиций Центральной Азии по кризису этот фактор работает в основном в качестве способа облегчения беспристрастности этих стран в отношении необходимости по настоящему считаться с интересами Украины, можно сказать, что они не обременены в этом плане. Таким образом, это обстоятельство позволяет данной стране избежать ощущения необходимости оглашать свою позицию по разным аспектам кризиса, позволяет звучать более пророссийски настроенными в некоторых аспектах, не опасаясь повредить отношениям с Украиной, и занимать более критическую позицию только когда определенный принципиальный вопрос напрямую касается собственных интересов данной страны (т.е. не считаясь с Украиной), как например вопрос о территориальной целостности или законности «революционного» правительства.

Третьим детерминантом позиций стран Центральной Азии по кризису является факт, что они хотят иметь хорошие, плодотворные отношения с остальным миром, кроме как с Россией и Украиной. В этом плане украинский кризис создал атмосферу относительной (беспорядочной) неопределенности и поливалентности, и следовательно, возможность открыть двери к некоторым третьим странам (и таким образом ослабить плотные объятия России). Как страна (ее правительство, ее лидер) говорят об Украине – и даже то, что они вообще говорят об Украине –

определяет степень и направление, в котором открываются двери для данной страны. Примером тому являются активные посреднические усилия Казахстана. Недавно президент Кыргызстана предпринял поездку в Европу – причем на оказанный ему прием он вряд ли мог рассчитывать, если поездка происходила не в свете ситуации на Украине.

Четвертое определяющее обстоятельство является, в известном смысле, составной частью третьего: действительные отношения стран Центральной Азии (с некоторыми вариациями, в интересах истины) с миром вне России не очень близкие. В ответ на предыдущий пассаж можно было бы сказать: если эти страны действительно желают установление более тесных отношений с остальным миром – и в частности, с западными странами, – почему они просто более откровенно не поддержат позицию Запада или хотя бы не начнут проводить более независимую политику, не оглядываясь постоянно на Россию? Причина этого, как и в некотором смысле для самой Украины, состоит в том, что западные страны никогда даже не приближались к уровню интенсивности обмена, который имеет Россия с Центральной Азией. С учетом этого неодинакового баланса, для этих стран было бы неоправданным риском занять полностью прозападную (прокиевскую) позицию по кризису.⁸

Существуют и другие направления, кроме Запада; есть, конечно, Китай – другой гигант, с которым страны Центральной Азии могут иметь и действительно имеют все более интенсивные отношения. Проблема позиции Китая в отношении Украины состоит в том, что собственно позицию Китая нелегко расшифровать. Несомненно, некоторые из дерзких моментов замечаний стран Центральной Азии по Украине, как например напоминание Узбекистана о территориальной целостности, являются следствием ощущения, что в этом вопросе можно рассчитывать на совпадение мнений с Китаем, и это несколько уравнивает влияние России в данном регионе. Тем не менее, центрально-азиатские страны продолжают иметь значительные сдерживающие опасения в отношении более близкого партнерства с Китаем. Таким образом, эти желательные, но далеко не сами собой разумеющиеся отношения с остальным миром, в большой степени объясняют колебания и уклончивые замечания государств Средней Азии в отношении Украины.

Эти детерминанты – «российский фактор», «украинский (не)фактор», желание иметь хорошие отношения с третьими странами и слабость этих отношений с третьими странами на данный момент – возможно, являются наиболее весомыми факторами, формирующими и изменяющими позиции этих стран по данному комплексному кризису. Как отмечено выше, это не единственные и тем более не исчерпывающие факторы; кроме того, их нельзя четко отделить друг от друга. Действительный выбор определяющих детерминантов в каждый конкретный мо-

---

⁸ Какаясь этого вопроса, можно заметить, что эти сильно несбалансированные отношения с Россией заставили Кыргызстан рассматривать присоединение к Евразийскому Экономическому Союзу как предрешенное дело – как повторил несколько раз Президент Атамбаев в своих интервью, – у Кыргызстана «не было другого выбора».

мент времени является комбинацией этих и некоторых других соображений. Среди таких дополнительных соображений можно поставить вопрос о личностях некоторых из президентов, вопрос имеют превалирующие в обществе взгляды, какое-то влияние или вопрос о влиянии конкретных институций, будь то ОДКБ, ШОС, СНГ или другие. Но чтобы этот процесс не стал бесконечным перечислением возможных и непосредственных факторов, если человек придерживается к вопросу о позициях этих стран по украинскому кризису (а не более общей внешней политики) и опирается на их видимые действия до сих пор в качестве основания анализа, похоже, что сочетание этих четырех факторов дает достаточно далеко идущее объяснение данного вопроса.

Заключение

В этой статье сделана попытка анализа и проведения некоторых общих наблюдений в отношении позиций пяти центрально-азиатских стран по продолжающемуся украинскому кризису. В этом смысле, эта работа не содержит суждений о том, какая из сторон несет наибольшую ответственность за ситуацию. Вместо этого рассматриваются некоторые важные последствия кризиса (хотя он еще не закончился) для предположительно не первостепенных его участников.

Кризис в Украине вызвал серьезные потрясения на международной арене. Он ввергнул множество принципов, отношений и приоритетов в состояние неопределенности. Какие возможные отрицательные последствия может иметь кризис для данного государства, стало вопросом, в значительной степени зависящем от уровня произвольности, судьбы, или – как формулирует это Макиавелли – «фортуны». В такой ситуации, способный государственный деятель рассматривает возможности и действует осторожно. Для всех стран, затронутых украинским кризисом тем или иным образом, это было время, когда надо действовать с исключительной осторожностью, и в то же время, искать окна для оправданного риска. Центрально-азиатские правительства, хотя и по разному, оказались именно в таком положении: при близких отношениях с некоторыми из главных сторон конфликта, продвигая свои собственные интересы и выполняя собственные обязательства они, похоже, действовали здравомысляще и с некоторым оправданным уровнем риска. Это можно назвать «прагматизмом» внешней политики стран Центральной Азии.

На основе этого анализа можно сделать общий вывод, что ни одно из средне-азиатских государств не могло позволить себе занять позицию, которая полностью противоречила бы позиции России. У них у всех есть тесные связи с Россией, у них у всех есть существенные интересы в России, и все они имеют нетривиальные причины опасаться ответных мер России в случае противоречия с ней.

Что более интересно, между этими пятью странами есть определенные отличия. Они отличаются друг от друга во многих отношениях, и их отличия по вопросу об Украине, соответственно, надо принимать всерьез. Важный момент, который надо учитывать, это то, что отличия между позициями этих стран отражают разные уровни их связанности с Россией (добровольной или вынужденной),

разные амбиции во внешней политике и разное восприятие своей собственной уязвимости, проистекающей от их позиций в политике по отношению к Украине.

Этот последний пункт приводит к еще одному, финальному заключению. Если хотя бы на короткое время можно было бы позволить себе говорить языком дихотомии – прозападной или пророссийской ориентации, – можно с уверенностью заявить, что более пророссийская позиция этих стран является в меньшей степени отражением их «собственных» просчитанных позиций; наоборот, их более прозападные (или критические в отношении России) позиции, похоже, более примечательны и более важны для них. Иначе говоря, тесное сотрудничество с Россией по украинскому кризису является чем-то, что подразумевается для этих стран, и такие позиции не пользуются большим доверием. Занятие позиций, в открытую противоречащих позиции России, с другой стороны, является чем-то, что эти страны должны делать после тщательного обдумывания и при разумном риске, и потому такие позиции будут пользоваться большей степенью доверия. Эти обобщения очень важны и требуют критического переосмысления по мере развития ситуации.